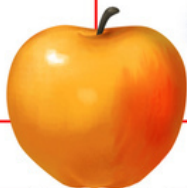

Алекс Норк

1 2 3 4

**БОЛЬШЕ
СВЕТА,
ПОЛИЦИЯ!**

Алекс Норк
Больше света, полиция!
Серия «Больше света,
полиция!», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Убийство на территории хосписа расследуется пожилым лейтенантом и его молодым помощником. Убит хозяйственный поставщик хосписа, человек с изрядным криминальным прошлым. Связано ли это с убийством и ограблением известной пианистки? Среди многих гипотез на передний план выдвигается самая странная.

Алекс Норк

Больше света, полиция!

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Солнце занимало свое обычное место над зелеными верхушками деревьев уютного парка напротив здания окружного полицейского управления; и привычный ряд служебных автомобилей выстроился тихой чередой вдоль тротуара. Все как вчера, как неделю назад. И все не так, словно за прозрачной пленкой, которая не дает ничего почувствовать. Блейк поглубже вдохнул, но знакомый свежий запах зелени в легкие не проник. Только тяжелый шум ухнул внутри, и он тут же услышал собственное сердце, его глухие и беспокойные удары. «Так нельзя, – сказал он себе. – Что, собственно, случилось?» – «Случилось!» – гулко ответило сердце, и он опять ощутил непроницаемый воздух вокруг. Хорошо, что он вышел на несколько минут раньше и никого из сослуживцев нет рядом, потому что и ноги стали совсем как ватные. Надо постараться уйти. Куда-нибудь подальше.

Блейк перешел дорогу и, подгоняя себя, зашагал по газону к деревьям как к первой и естественной защите. От чего? От всего.

Тенистая аллея оказалась совсем безлюдной.

Хорошо, это и нужно.

Блейк вспомнил вдруг старого охотника. Давно, лет тридцать назад, он отдыхал на Аляске, и этот северный человек – алеут, или кто он там был, – рассказывал ему про белого медведя. Раненый, тот начинает идти, по суше и по льдам. Теряя кровь и мучимый болью, он заставляет себя идти в надежде, что потеряет боль в длинной дороге. Тридцать лет назад эта история показалась ему и трогательной и забавной. Тридцать лет назад в его первый отпуск после первого года службы в полиции.

Он понял, что идет очень быстро и попытался замедлить шаг.

Аллея кончалась, но под прямым углом к ней оказалась другая. Тоже совсем безлюдная.

Проклятье! Неужели время ничем не отличается от этих простых человеческих шагов. Шел и повернул, потом еще несколько раз.

Во всей его жизни был только один поворот. Тоже почти тридцать лет назад. Когда беременная жена погибла в автокатастрофе.

Странно, что свой давний отпуск на Аляске он помнит как вчерашний день, а те жуткие дни не помнит. Он о них

просто знает. Они не вошли в память и не будят ощущений. Потому что не поместились.

Конец второй аллеи вывел на перекресток с неширокой улицей напротив.

Блейк пошел по ней, вдоль новеньких красивых особняков, и почему-то обрадовался, что улица прямая и из ее начала не виден конец.

Жизнь тоже должна быть прямой и ровной. Конечно. Он всегда ее так представлял. И прожил один двадцать семь лет, не понимая, почему друзья и сослуживцы удивляются его нежеланию во второй раз завести семью.

Прямая дорога... вот именно. Один дом, одна работа, и, к счастью, только одна пуля. Которую вытащил из него хирург. Она хранится на полке за стеклом в хрустальном бокале, он ни разу с тех пор не брал ее в руки.

А впрочем, надо бы взять и потрогать. Прикоснуться к ушедшему времени.

Неожиданно и ниоткуда пришло спокойствие. И безразличие.

Блейк, замедлив шаги, приостановился.

Тихо, ни ветерка. Как всегда у них в городе – жарким летом перед наступлением сумерек.

– Здравствуйте, лейтенант!

Блейк повернул голову и увидел окружного судью. Почти напротив. На крыльце дома, перед которым он остановился.

– Прогуливаетесь после работы? Прекрасная стоит пого-

да, не правда ли?

– Здравствуйте, ваша честь.

Блейк хорошо знал этого красивого сорокалетнего мулата. Умного и приветливого.

– Уикенд впереди. Давно вы не были на озерах?

Блейк на секунду задумался:

– Давно... в этом году ни разу.

– Очень вам советую, Артур, – он назвал Блейка по имени. – Я возил туда детей в прошлые выходные, но сам был доволен еще больше, чем они. Очень советую.

– Благодарю, – Блейк немного помялся на тротуаре, – кажется, действительно надо съездить.

Попрощался и медленно направился дальше.

Интересно, знает ли судья, что произошло час назад?

Глупый вопрос, конечно знает. Они все должны были об этом знать еще вчера. И в суде, и в прокуратуре. Наверное, сейчас судья войдет в дом и скажет жене: бедняга Блейк, он так рассчитывал на эту должность, и вполне ее заслужил... Что-нибудь в таком роде.

Блейк прошел еще немного и огляделся на следующем перекрестке.

Направо лежал путь к его собственному дому.

Но что там делать?

Раньше он это знал. Потому что видел будущее. Свое место под солнцем, которое теперь будет светить просто так, освещая очередной ненужный день.

Да, его дни слишком срослись с тем будущим, когда на двери кабинета начальника полицейского управления появится табличка с его именем. Теперь этого уже никогда не произойдет. Он может дослужить оставшиеся полгода и уйти на пенсию. Вместо дороги — обочина.

Можно, конечно, остаться и продолжать работать...

Его передернуло и внутри снова все закипело, как два часа назад, когда в конференц-холле им представили нового начальника управления, и он перестал что-либо чувствовать и понимать. Блейк даже не запомнил ни лица, ни имени нового шефа. Хотя их познакомили и отрекомендовали его, Блейка, как самого опытного полицейского, а его отдел по борьбе с бандитизмом называли опорой всего управления. Спасибо, он знает, что на него можно опереться. Всю жизнь так и делали.

А через шесть месяцев ему подарят на проводах серебряную вазу и окантованный прощальный лист под стеклом с подписями всех сотрудников, чтоб повесить на стенку.

О, боже! Какие еще шесть месяцев, когда он не представляет себе, как выйдет на работу в следующий понедельник. Он даже не может сейчас заставить себя пойти домой.

Блейк неуверенно осмотрел перекресток, не понимая — куда ему все же повернуть.

Внезапная мысль показалась ему спасительной и радостной, как утопающему круг. Озера! Он может открыть гараж и, не заходя в дом, сразу туда поехать. Еще светло, и там сейчас должно быть немногочленно.

Озера покоились цепью. Продолговатые, ярдов сто в ширину и двести-триста в длину. Любимая местная достопримечательность. С одного берега к ним вплотную подходили хвойные деревья, с другого – пологое заросшее ярко-зеленой травой пространство, сейчас пустое от горожан.

Солнце с противоположной стороны уже опустилось за пушистые игольчатые кроны и в потемневшей воде застыли их еще более темные тени. А там, где стоял сейчас Блейк, трава еще переливалась под косыми золотистыми лучами. Зеленый цвет охватил всё собою, выставив все оттенки – от светло-изумрудной травы до уходящих в водяную глубь чернеющих красок.

Красиво... и красота как в жизни – соединяет беспечную радость и уводящую человека в неведомую темную глубь печаль. Блейк подумал, что этот мир вообще ведь может существовать без человека. И когда-то вот так же точно будет существовать без него.

Странно и несправедливо, что люди не могут уйти из жизни тихо и по своему произволу, как он бы сделал сейчас, когда так понятна его собственная ненужность.

Выходные Блейк провел дома. Он только в субботу утром вышел ненадолго в магазин и купил целую сумку продуктов, не очень понимая их нужность. Потом занимался готовкой, ел, подолгу сидел в креслах, переходя для разнообразия

из одной комнаты в другую. Несколько раз включал телевизор, щелкал программы, не всматриваясь в происходящее, и с облегчением замечал, как стрелки часов подходили к обеду или ужину – значит, можно было отправляться на кухню и занять себя делом.

Как ни странно, он хорошо спал, спокойно, без снов. В том числе, и в ночь на понедельник. Мысль, что он должен с утра отправиться на работу и, встретившись с подчиненными, выглядеть как ни в чем не бывало, много раз приходила ему в голову, но, против ожидания, не волновала, не нервировала.

Тем не менее, повстречавшись утром у входа с несколькими сотрудниками, он осторожно прислушался к себе, опасаясь почувствовать внутри нежелательные движения. Однако там было все спокойно. Как и в его кабинете – все так же, и на своих местах.

Блейк уже собрался позвонить в секретариат, чтоб принесли оперативные сводки, но телефон его опередил.

Он не узнал говорившего.

Ну да, естественно, ведь говорил новый шеф.

– Вы не могли бы прямо сейчас ко мне зайти, лейтенант? У нас тут события.

«Вежливое начало, – мелькнуло в голове у Блейка – не приказной тон».

Он прошел обычные двадцать шагов по коридору и слегка задержался у знакомой двери... Раньше он никогда не стучал. А впрочем, и сейчас не будет.

Новый начальник сразу поднялся навстречу, вышел из-за стола с протянутой вперед рукой и первым делом осведомился о самочувствии.

– Нормально, – поблагодарил Блейк, – готов к работе.

– Ну вот, и хорошо! Работа как раз по вашей части.

Шеф вернулся на свое место и сразу сунул в рот сигарету, а Блейк, усаживаясь напротив, заметил в пепельнице уже четыре смятых окурка.

– Много курите?

Сейчас Блейк рассмотрел его лицо: невыразительный брюнет, лет на десять помладше него, с зачесанными назад редковатыми уже волосами. Физиономия, впрочем, довольно подвижная и доброжелательная.

– А, и не говорите! Курю много и не знаю, как бросить.

– При случае расскажу, как мне это удалось. Так что там произошло?

Шеф энергично выпустил в сторону струю дыма.

– В двадцати километрах от города находится хоспис, знаете?

– Знаю, хотя никогда не бывал.

– Теперь придется. Там произошло убийство.

Блейк удивленно поднял брови, но не успел спросить.

Опережая его вопрос, шеф замотал головой:

– Вы подумали, что речь идет о нарушениях со стороны медиков, да? Нет-нет, случилось самое банальное убийство. Две пули в сердце.

– Когда оно произошло?

– Час назад. Я уже отправил туда ваших ребят. Они работают, – шеф опять сильно затянулся. – А подробностей никаких не знаю, жду их от вас. Вы сразу поедете?

– Ну, разумеется.

Блейк не стал заходить в свой кабинет. Влезая в дежурную машину он ворчливо предупредил водителя не включать сирены – любимое занятие для молодых – и еще раз подумал о вежливых манерах нового шефа. Хотя ясно – он наверняка в курсе, чье место занял.

Хоспис существовал уже давно, но Блейк знал о нем лишь понаслышке. И что, собственно, он мог знать о том неприятном месте, куда помещаются неизлечимо больные люди, чтобы сохранить хоть часть душевного равновесия перед скорым уходом из жизни. Кто и кого там мог убить? Странная история.

Прежде чем достичь главных ворот они проехали несколько сот метров вдоль средней высоты забора, из чего стало ясно, что территория хосписа довольно велика. Место вокруг было лесистое – по преимуществу из стройных высоких сосен. Но сейчас, глядя на их красноватые стволы по ту

сторону забора, Блейк вдруг почувствовал особенный оттенок другого мира, как будто отделившегося от этого не только одним забором. Наверно, так оно и было, потому что водитель тоже несколько раз скосил туда неуверенный взгляд.

От въезда к шестиэтажному зданию хосписа вел асфальт, раздваиваясь и огибая с двух сторон большую цветочную клумбу. У левого, ближнего к дороге, по которой приехали, угла здания он сразу заметил две полицейские машины, и, медленно огибая цветочную клумбу, они покатили туда.

Блейк присмотрелся издали: ... все в сборе, трудятся, голубчики. Пусть трудятся, здесь каждый знает свое дело. А вот и его помощник Макс. Румяный и улыбчивый балагур.

Блейк вылез из машины и поздоровался с помощником за руку. Ему всегда было приятно начинать день с этой розовощекой физиономии, с детскими веселыми светло-серыми глазами.

– Ну, что там у тебя, докладывай.

Макс как всегда потрогал сначала свои светлые непослушные для прически волосы.

– Убийство, патрон. Две пули в сердце.

– Знаю.

– Стреляли из итальянского «беретта». Пистолет с глушителем. Брошен на месте преступления.

Макс приоткрыл дверцу ближайшей полицейской машины и показал на прозрачный целлофановый пакет на сиденье.

– Вот он.

– Хорошая пушка. Свидетели?

– Свидетелей не было. Персонал я уже опросил.

– Кто убит?

– Торговец. Точнее, поставщик продовольствия хоспису.

Вот его водительские права. Энтони Крайтон. Он уже два года обслуживает хоспис. Тут его знают.

Только сейчас Блейк увидел еще один автомобиль – темный грузовой джип, который стоял за полицейскими машинами рядом с боковым, по-видимому, служебным входом в хоспис.

– Пойдемте, мы не двигали труп до вашего приезда.

Они направились к джипу, и, обогнув его, лейтенант сразу увидел тело на асфальте. Голова – на уровне заднего бампера, лицом вверх. Вся левая сторона белой летней рубашки залита кровью, и уже застывшая лужица крови сбоку от тела, от выходных отверстий в спине.

– Он даже не успел открыть задние дверцы для выгрузки продуктов, сэр. И, похоже, стоял к убийце лицом. А тот находился всего метрах в трех, вон меловые крестики в том месте, где валялись гильзы. А чуть дальше – брошенный пистолет.

– Что еще?

– Самое любопытное, патрон, – Макс снова потрогал свои плохо лежащие волосы: – загляните в этот служебный проход.

Блейк посмотрел в направлении открытой внутрь здания двери и увидел короткую лестницу наверх в открывающийся затем длинный коридор, а сбоку, совсем у входа, другую дверь.

– Вот здесь, – Макс показал на нее пальцем, – у них кладовое помещение. Туда есть вход изнутри здания. В восемь ноль-ноль каждое утро Крайтон подгонял сюда свой джип, а рабочий из числа персонала приходил, чтобы вместе с ним выгрузить продукты. На двери в кладовую с этой стороны есть задвижка, видите? Но дверь никогда в это время не запирают. На этот раз она почему-то оказалась закрытой. Рабочий толкнул ее изнутри, и очень удивившись, что она на запоре, пошел в обход через все здание. Он первым и обнаружил труп.

– Хлопков от глушителя никто не слышал?

– Нет, потому что в это время тут никого, кроме этого рабочего, не бывает.

– А коридор куда ведет?

– Вглубь здания. Там только врачебные кабинеты, а посередине – лестница наверх, где помещаются пациенты. Врачей тоже еще не было, они приходят на работу к девяти.

– Может быть, кто-то из служащих случайно закрыл эту задвижку? Кто мог здесь утром проходить?

– Всего несколько человек, патрон. Они все это категорически отрицают.

– Их надо тщательно проверить, Макс. Прежде всего уста-

новить, не был ли кто-нибудь из них знаком с убитым, помимо того, что тот приезжал сюда каждое утро с грузами. В особенности этого рабочего.

Блейк повернулся и подошел к труп, чтобы получше рассмотреть убитого.

На вид тому было лет сорок или немного больше. Рослый, грузный мужчина. Крупные черты лица, грубоватые. Лейтенант неизвестно почему подумал, что он, может быть, южанин.

Криминалисты уже заканчивали свою работу, и вскоре подошли те двое, что осматривали траву между деревьями в ведущем к забору направлении, куда мог уйти преступник после убийства.

– Очевидных признаков, что он скрылся в ту сторону, нет, сэр, – доложил один из них. – Вроде бы нигде не поломаны сухие ветки. Но ручаться трудно. Дождя не было несколько дней. Совсем сухая почва.

– Осмотрите с той стороны забор и дорогу на этом участке, – распорядился лейтенант, – нет ли следов стоявшего автомобиля.

Он дал знак забирать тело и тут же увидел в дверях служебного входа трех человек в белых с голубизной медицинских халатах. И сразу стало понятно – кто из них главный.

– Доктор Митчелл, – представился ему только один из них. Среднего возраста мужчина с хорошим загаром, тонкой жесткой щеточкой усов и элегантными и вместе с тем стро-

гими очками, которые сами по себе заслуживали профессорского звания.

– Мы не вправе препятствовать работе полиции, лейтенант, но я надеюсь, вы понимаете специфику нашего заведения? – отчетливо выговаривая каждое слово, произнес он. – Наши пациенты люди особенные, и пока ни о чем не знают. Нужно, чтоб так оно и было.

– Конечно, доктор, мы уже уезжаем. Но некоторых ваших сотрудников должны будем вызвать к себе в управление, – Блейк махнул всем рукой, приказывая отправляться. – Скажите, а много у вас сейчас пациентов?

– Семнадцать.

Лейтенант пожал протянутую ему на прощание руку:

– Совершенно не исключено, что я нанесу вам еще личный визит. Тихий, разумеется.

– Ты знал что-нибудь, Макс, раньше об этом хосписе? – Они выехали за ворота, и Блейк только теперь обратил внимание на яркое голубое небо без единого облачка.

– Знал, что там умирают люди.

– А как они там умирают?

– Как все, наверно.

– А все как? М-м? Да оставь ты в покое свои волосы!

– Это вам, патрон, они покоя не дают. Ну, я не знаю как.

– Я слышал, сэр, что люди платят за это порядочные деньги, – вмешался водитель.

– Я тоже об этом слышал, ребята. Но вот, за что именно они платят деньги?

Блейк снова посмотрел на пронзительно синее небо.
Небо над их головами.

* * *

Теперь снова в ее квартире появился рояль. Не в той ее старой, а здесь – в новом доме, где она уже два года живет со своим мужем. Рояль миссис Нордау. Красновато-коричневый, с белыми крапинами и разводами под ослепительно блестящим лаком. Мраморный рояль, как назвала его Марша, когда в первый раз пришла в дом своей учительницы. И это имя прилипло с тех пор к роялю. Так, что и миссис Нордау, и Генри стали так его называть. А позже Марша даже прочла надпись под фотографией в одном из светских журналов: «Знаменитая пианистка Нордау за своим мраморным инструментом». И он также весело сиял, как здесь сейчас, в ее доме.

Теперь он должен молчать. Всегда. И никто не посмеет поднять над клавишами крышку.

Когда несколько дней назад рояль привезли в их дом, муж сказал ей, что очень хочет увидеть ее за инструментом, и она впервые за эти два года закричала. Нет, кажется, впервые в жизни. Она кричала, чтобы он никогда больше не смел говорить ей глупости, не смел никогда!

Он хороший и добрый человек, а мелкие глупости, ну что же, их говорят все люди. И муж – тоже обычный человек как все.

Ей просто слишком посчастливилось в своей жизни узнать необычное. В тринадцать лет за свой абсолютный от природы слух и быстрые руки она стала ученицей знаменитой пианистки. Уже не дававшей в то время концерты, но чьи пластинки можно было купить в любом музыкальном магазине. И через сто лет они будут там продаваться, и через двести... Она оказалась среди людей, где никогда не говорили глупости. Где можно было ничего не говорить, даже когда не играла музыка. Потом нелепая травма локтя навсегда закрыла ей двери в большую музыку, но она сумела все пережить, потому что рядом были эти люди. Был Генри, этот рояль... Теперь, очень скоро, останется только он один.

Она всегда улыбалась роялю, когда приходила в тот дом. Она вообще очень часто улыбалась, но миссис Нордау с первых дней их знакомства назвала ее «несмеющийся ребенок», потому что дальше улыбки дело не шло.

Сама она, конечно же, была смеющимся и громким, вообще, человеком. И Генри тоже.

Занятия как раз заканчивались, когда он возвращался из университета, и он всегда спускался к ним в холл: «У нас опять несмеющийся ребенок? Здравствуй, ребенок!». Потом, с годами, Генри стал ее звать по имени – Марша. Но иногда прорывалось и то, прежнее.

Сегодня она позвонила в лабораторию и отменила утренние эксперименты, но все равно лучше пойти на работу, потому что нельзя все время смотреть на этот праздничный роляль. Как будто он не понимает, что случилось.

Последний раз она играла на нем концерт Брамса, который они готовили для ее первого выступления на большой сцене. Было много гостей и игра всем понравилась. А Генри заявил, что больше всего в исполнении привлекает ее тонкая прямая спина, эстетически дополняет звуки. «Наконец-то ты начинаешь понимать музыку, – сказала тогда миссис Нордау. – Пожалуй, скоро начнешь отличать Шопена от Шопенгауэра».

Конечно же, Генри любил музыку, и неплохо в ней разбирался. Но миссис Нордау так до конца и не примирилась с тем, что ее единственный сын предпочел музыке физику, хотя очень радовалась его научным успехам.

Почему она сказала себе «любил»? Генри ведь жив и здоров. Вот именно, здоров. Боже, какая фантастическая нелепость! Она и сейчас не может найти другого слова, и повторяет себе – нелепость, нелепость. И не понимает, почему сделала то, что сделала.

А если бы повторилось все снова? Она бы сделала то же самое, потому что так требовал Генри.

Что-то еще очень плохое и тягостное мучает ее все время... Да, Генри запретил ей встречаться. Значит она его больше никогда не увидит. Это самое страшное, потому что

она всегда знала, что сможет это сделать... И когда проводила свой свадебный месяц с мужем, эти длинные и ненужные в ее жизни дни, знала, что снова увидит Генри.

Теперь стало совсем понятно, что она привыкла всегда так себя чувствовать, с тех детских лет, и потом, когда они стали взрослыми и совсем нечасто виделись. Была еще миссис Нордау, и она играла для нее, вот на этом рояле...

* * *

«Узнав все об убитом, мы неизбежно поймаем убийцу».

У Блейка было несколько ходячих фраз, и подчиненные не без ехидства любили ему их цитировать.

– Неизбежно и неминуемо. Не так ли, патрон? – Макс держал в руках ответ на их запрос в центральный архив ФБР – Любопытной фигурой оказался этот покойный Крайтон, между прочим.

– Читай. С выражением, и не части.

Макс уселся напротив.

– Ну-с, так вот. Родился он почти в Мексике. На самом юге. В семье мелкого торговца. Один был всего ребенок, но очень беспокойный. В пятнадцать лет за систематическое уличное хулиганство попал на полгода в исправительный дом для трудных подростков. Надо думать, американская пенитенциарная система пришлась ему по вкусу, потому что в восемнадцать лет он попадает в заключение снова

за угон и попытку продажи краденого автомобиля. Поскольку действовали трое и он был не главной фигурой, суд дал ему всего один год тюрьмы, откуда он вышел через восемь месяцев за примерное поведение. Обращаю ваше внимание, патрон, что Крайтон – человек строгих правил и примерное поведение в тюрьме станет его отличительной чертой на протяжении всей последующей жизни. Вы заметили, патрон, что южан понемногу тянет на север?

– Давно заметил.

– Ну вот, и география тюрем меняется. Два года тюрьмы за сбыт краденого в Ашленде. Вышел через полтора года. Четыре года в Мак-Куине за соучастие в ограблении ювелирного магазина и, наконец, последнее заключение – на восемь лет в городе Пирр, тоже за ограбление. Тут ему припомнили и предыдущие подвиги, но выпустили на два года раньше. Очень уж хорошо ведет себя за решеткой. Сразу вспоминаются ваши крылатые слова, патрон: «Место человеку там, где он ведет себя лучше всего». Я ничего не перепутал?

– Наверно, нет, у тебя память лучше, – Блейк повернулся в кресле и взглянул на карту страны у себя за спиной. – Смотри-ка ты, прямо по меридиану работал. Значит, если бы его не убили у нас, он сел бы в следующий раз где-нибудь в Канаде?

– Вне всяких сомнений.

– Сколько лет он уже на свободе после пятой отсидки?

– Четыре. В последние два года обосновался у нас. Ничем

для полиции не отличился. Имел небольшую фирму по мелкооптовой торговле, сам занимался развозом товаров. Я звонил в обслуживающий банк. Фирма там считается крепкой. И дом у этого непоседы слишком уж неплохой.

– Значит, сохранил кое-какие криминальные доходы от старых дел?

– Скорее всего, так.

– Хорошо, Макс, спасибо. Теперь мы можем нарисовать план первоочередных мероприятий для нашего нового начальства.

– Да, патрон?

– Слишком много уголовных контактов было у убитого. Это, прежде всего, его сообщники по старым преступлениям и по тем, о которых мы возможно еще не знаем. Надо проверить, нет ли в городе людей, связанных с ним по криминальной биографии. Пусть сейчас же этим и займутся, а я пойду докладывать начальству, что мы на правильном пути.

– Патрон, давайте сначала пообедаем. Уже середина дня, а я маковой росинки с утра во рту не держал.

Макс разведенными руками показал такой величины росинку, которая и впрямь соответствовала его молодому аппетиту.

– Ну хорошо, пошли. Только смущает меня, знаешь, место убийства. И следов исчезновения преступника нет.

– Почему смущает? – помощник несогласно пожал плечами. – Как раз очень удобно перебраться там с дороги через

забор и затаиться, чтобы спокойно выстрелить, когда Крайтон подъедет и начнет открывать свой фургон.

– Правильно, чтобы спокойно выстрелить в спину или затылок, а Крайтон получил пули в грудь. Ладно пойдем, а то коллеги слопают в столовой все твои лакомые росинки.

Через час Блейк снова говорил с новым шефом. И снова тот вел себя подчеркнуто вежливо.

– Все это очень хорошо, лейтенант, но не думали ли вы, что Энтони Крайтон мог быть убит и кем-то из работников хосписа?

– Думал. Завтра все возможные подозреваемые будут мной лично допрошены, а их связи с Крайтоном проверяются уже сейчас. Но в своей практике я не помню ни одного тщательно подготовленного убийства, которое преступник совершал бы в том месте, где он постоянно обретается.

– А вы считаете, что оно именно тщательно подготовлено?

– Да. Опыт подсказывает. И оружие. Дорогое, итальянское. И прямо скажем, малоизвестное в нашей уголовной среде. Я бы мог назвать несколько отечественных марок, которые нашим киллерам гораздо более с руки.

– Объясните мне, пожалуйста, тогда, чем этот пистолет от них отличается.

Блейк на секунду задумался.

– Длинный ствол и удлинённая казенная часть. Это не очень удобно, чтобы носить под одеждой. Особенно в летнее время. Зато прекрасно сочетается в себе устойчивость при

стрельбе и поражающую силу.

– Очень подходит профессионалу?

Блейк повел бровью:

– Вот тут я не до конца понимаю, скорее нет. Профессионал прежде всего обращает внимание на маскировку оружия, а стрелять хорошо умеет и из короткоствольных марок. Типа наган, например.

– Верно! – поспешно согласился шеф.

– К тому же этот пистолет, как я уже говорил, из самых что ни на есть дорогих, а выкладывать лишнюю тысячу долларов такая публика не любит. Речь-то ведь, заметьте, идет не об убийстве крупного мафиози, когда деньги не очень считают. Кому встал на пути этот мелкий, хотя и несомненно грязный уголовник Крайтон? – Блейк перехватил неуверенный взгляд, брошенный шефом на пачку сигарет. – Да вы курите, я легко переносу табачный дым.

– И обещали просветить меня, как от этого отделаться.

– Обязательно. А вы мне помогите разобраться с этим хосписом. Конкретно, что они там делают?

Шеф согласно кивнул и, чуть помолчав, начал:

– Маргинальная сфера услуг, если так можно выразиться. В Верховном суде регулярно поднимается вопрос о ее правомочности. И по действующим законам хосписы функционируют лишь в нескольких штатах, – он деликатно выпустил струю табачного дыма под углом в девяносто градусов. – В принципе, каждый человек может умирать, где ему заблаго-

рассудится. Но онкологическим больным, а они главные клиенты хосписов, хуже всего. Злокачественная опухоль быстро и мучительно поедает их организм, вы конечно об этом знаете. Здесь, однако, трагедия не столько в том, что их мучают боли. Сильные дозы наркотиков предусмотрены в таких случаях по закону, они облегчают или даже совсем снимают физическую боль. Хуже другое. Сознание человека не поспевает за собственной гибелью. Оно протестует, все время протестует, вы понимаете? А в хосписе у врачей появляется определенная свобода рук. Они могут притупить человека или превратить его в почти все время спящего. Отключить его сознание до того, как это сделает смерть. И, наконец, ускорить ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.